

RU

Нелинейность повествования как новаторская стратегия в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него»

Лу Чэнь

Аннотация. Цель исследования – выявление нелинейности повествования как новаторской стратегии в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» посредством демонстрации функциональных эффектов нелинейности на уровнях композиции, хронотопа и конструирования идентичности персонажей. В статье анализируются особенности нелинейной структуры текста, выявляются ее ключевые формы – фрагментарность сюжета, нарушения хронологической последовательности, переменная фокализация, двуплановость реального и фантастического и переплетение нарративных перспектив. Особое внимание уделяется тому, как подобная структура влияет на изображение внутреннего мира персонажей, позволяя автору глубже раскрыть их психологические противоречия и многоуровневую идентичность. Научная новизна исследования состоит в том, что нелинейное повествование рассматривается не только как прием усложнения восприятия сюжета, но и как способ создания специфического художественного эффекта, в котором реальность и фантастика тесно переплетаются, формируя многозначный и открытый для интерпретаций текст. В ходе анализа выявлены примеры использования нелинейных элементов – воспоминаний, снов, галлюцинаций и фантазий героев, – раскрывающих проблематику постсоветского социума и кризиса индивидуального сознания. В результате установлено, что сочетание указанных механизмов создает эффект полифонии и размывает границы между реальным и фантастическим; выявлены устойчивые модели переходов между временными планами и фокализациями, обеспечивающие смысловую связность фрагментарного повествования; показано, что нелинейность выступает инструментом конструирования множественной идентичности героев и источником хронотопической многослойности текста.

EN

Non-linear narrative as an innovative strategy in Alexey Salnikov's novel "The Petrovs in and around the Flu"

Chen Lu

Abstract. The research aims to identify non-linear narrative as an innovative strategy in Alexey Salnikov's novel "The Petrovs in and around the Flu" by demonstrating its functional effects at the levels of composition, chronotope, and character identity construction. The article analyzes the features of the text's non-linear structure, identifying its key forms: plot fragmentation, disruptions of chronological sequence, variable focalization, the duality of the real and the fantastic, and the intertwining of narrative perspectives. Particular attention is paid to how this structure influences the depiction of characters' inner worlds, enabling the author to more deeply reveal their psychological contradictions and multi-layered identity. The scientific originality of the research lies in considering non-linear narrative not merely as a technique for complicating plot perception, but as a method for creating a specific artistic effect where reality and fantasy are closely intertwined, forming a polysemantic text open to multiple interpretations. The analysis identified examples of non-linear elements – memories, dreams, hallucinations, and characters' fantasies – that reveal the issues of post-Soviet society and the crisis of individual consciousness. As a result, the study found that the combined effect of these mechanisms creates polyphony and blurs the boundaries between the real and the fantastic. The article also identified stable patterns of transitions between temporal planes and focalizations, which ensure the semantic coherence of the fragmented narrative. Furthermore, it was demonstrated that non-linearity serves as a tool for constructing the characters' multiple identities and as a source of the text's chronotopic layering.

Введение

Актуальность исследования обусловлена современными тенденциями в развитии литературоведения, проявляющимися в растущем интересе к вопросам нарративной организации текста, взаимодействию

художественного времени и пространства, а также поискам новых форм повествовательной структуры. В современной русской прозе все чаще проявляются тенденции к усложнению повествовательных конструкций и экспериментам с художественным временем и пространством. Особенно ярко эта тенденция выражена в произведениях писателей постмодернистского направления: по справедливому наблюдению исследователей, «нелинейность повествования, нарочитое смешение временных, локальных, описательных и других пластов приобретают широкое распространение, практически становятся нормой» (Лушникова, Осадчая, 2021, с. 225). Подобное понимание нелинейности повествования соотносится с характеристикой гипертекста как модели нелинейного письма: «Разрушение представлений об обязательной линейности повествования и его восприятия; вовлечение читателя в процесс конструирования литературного текста» (Плахтиенко, Коровкина, 2017, с. 40).

Несмотря на то, что нелинейность повествования уже стала характерной чертой постмодернистской литературы, в романе Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» она приобретает новое функциональное значение – служит средством раскрытия временной и семантической многослойности повествования и индивидуального авторского стиля. Роман Сальникова, опубликованный в 2016 году, мгновенно привлек внимание читателей и литературоведов благодаря оригинальному художественному решению и необычной композиции, в которой нарушена привычная хронология событий. Нелинейность здесь выражается в многоуровневом переплетении событий прошлого и настоящего, реальности и фантазии, памяти и сновидений героев. Подобный прием становится не просто формальным экспериментом, а значимой художественной стратегией, позволяющей автору глубже раскрыть психологию персонажей и усилить смысловую многозначность произведения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- определить основные формы и элементы нелинейного повествования в романе;
- проанализировать влияние нелинейной структуры на способы изображения внутреннего мира героев;
- показать, каким образом нелинейность повествования влияет на общую смысловую организацию произведения и формирование авторского стиля.

Методологическую основу исследования составляет комплексный нарратологический анализ текста, сочетающий описание повествовательных приемов с их функциональной интерпретацией в структуре романа, и его поэтики.

Материалом для исследования послужил роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (2022). Цитирование приводится по этому изданию; отдельные эпизоды сопоставлялись с полными контекстами. Полный перечень привлеченных материалов представлен в разделе «Материалы исследования» после Заключения.

Теоретическую базу исследования составляют нарратологические модели Ж. Женетта (1998) (порядок/длительность/частотность; анахронии; фокализация) и Ш. Риммон-Кенан (Rimmon-Kenan, 2002) (параметры организации дискурса, типы фокализации, принцип характеристики). Отдельно привлекаются поэтологические и жанроведческие концепции М. Бахтина (1972; 1986; 1990) (полифония, хронотоп, карнавализация). Для анализа совмещения реального и фантастического привлекаются идеи Ц. Тодорова (1999) о «фантастическом как колебании» и прием остранения В. Шкловского (1983); для осмысления кризиса идентичности – положения S. Hall (2000) и F. Jameson (1998) о нестабильности субъекта в постмодернизме. Представление о фрагментарной композиции и «клиповом» режиме памяти соотносится с наблюдениями Г. И. Лушниковой и Т. Ю. Осадчей (2021) о фрагментарности современного нарратива, а также с идеями А. А. Житенева (2012) о неомодернистской поэтике и З. Кракауэра (1974) о природе кинореальности. Контекстуально учитываются и новейшие работы о прозе А. Сальникова (Шин, 2024).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при дальнейшем изучении современной русской прозы, а также в курсах по русской литературе и основам литературоведения, на практических занятиях по анализу и интерпретации художественного текста.

Обсуждение и результаты

Роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» представляет собой яркий образец нелинейного повествования, выступающего новаторской художественной стратегией. Нарратив в этом тексте построен не по прямой хронологической оси, а фрагментарно и многоуровнево. События подаются отнюдь не в последовательном порядке: актуальные эпизоды жизни семьи Петровых перемежаются вставными сценами из прошлого и воображаемого, разрушая традиционную линейность фабулы. Так, на первых страницах герой внезапно погружается в воспоминание о детском случае с «Снегурочкой», которое вставлено в канву новогоднего дня 2007 года: «А Петров, глядя на многочисленный снег вокруг себя, на пятиэтажный дом через дорогу, вспомнил вдруг, как на елке в раннем детстве женщина или девушка, изображавшая Снегурочку, взяла его за руку, а рука у нее была совершенно ледяная» (Сальников, 2022, с. 47). Этот ретроспективный эпизод прерывает основную временную линию и иллюстрирует характерную для романа анахроничность повествования. По определению Ж. Женетта, «каждая анахрония ... составляет повествование, вторичное во временном отношении и подчиненное первичному повествованию» (1998, с. 84). Тем самым данный эпизод представляет собой аналепсис – обращение к более ранним событиям, типичный прием анахроничного повествования. Подобные нарративные анахронии в тексте повторяются неоднократно: автор свободно переносит читателя то в советское детство Петрова, то обратно в настоящее, требуя активного соучастия читателя в реконструкции причинно-следственных связей истории. Фрагментарная композиция романа проявляется не только

во вкраплениях воспоминаний, но и в прерывистости самого сюжетного развития. Отдельные сцены связаны между собой ассоциативно, через внутреннюю логику переживаний героя, а не строго последовательной сменой событий. В результате фабула приобретает мозаику эпизодов, где каждое звено может восприниматься как относительно самостоятельный фрагмент единой картины. Такой прием соответствует наблюдениям Ш. Риммон-Кенан, подчеркивающей, что «текстовые сегменты представляют собой точки пересечения различных композиционных принципов, а не готовые примеры применения какого-либо одного принципа в отрыве от других» (Rimmon-Kenan, 2002, p. 4). Это позволяет говорить о мозаичной структуре дискурса, при которой смысл формируется через взаимодействие разрозненных, но взаимосвязанных эпизодов. Фрагментарность повествования у Сальникова выступает сознательной эстетической позицией: она разрушает читательское ожидание линейного «сюжета» и тем самым актуализирует скрытые связи между разными временными пластами и мотивами произведения. Это сближает роман с модернистской традицией сложной, неравномерной, «рывковой» прозы Дж. Джойса или Т. Манна, где хронологическая нелинейность служит способом углубленного раскрытия внутренней жизни и философских тем.

Одним из главных проявлений нелинейности в «Петровых в grippe и вокруг него» становится двуплановость повествования – реального и фантастического. Роман Сальникова продолжает модернистскую традицию совмещения двух планов повествования – фабульного реалистического и глубинного мифологического. На поверхностном уровне читателю предлагается достаточно прозаичный ряд событий из жизни типичной российской семьи (поездка на елку, болезнь гриппом, бытовые эпизоды), причем эти события охватывают как настоящее время повествования, так и давнее прошлое героев. Однако параллельно этому реалистическому пласту в тексте разворачивается второй, фантастический слой, воспринимаемый то ли как мифологическая аллюзия, то ли как галлюцинация. Автор умышленно размывает границы между реальностью и воображением: героям все труднее отличить обыденные факты от грез и бредовых видений. Встреча главного героя с загадочным трикстером Игорем служит спусковым крючком для череды странных, фантазмагорических эпизодов, невообразимых в нормальной жизни. Например, персонажи вдруг начинают распивать алкоголь в катафалке рядом с трупом: «...они уже чокались с Игорем пластиковыми стаканчиками над крышкой гроба и проливали водку на гроб» (Сальников, 2022, с. 15), – либо сталкиваются с гротескными ситуациями вроде непристойных выходок пожилого человека перед школьницей: «Все вы, сучки, одинаковые, – закончил он, с той же доброй улыбкой и лукавым прищуром глядя ее по ранцу» (Сальников, 2022, с. 12). Подобные сцены, балансирующие на грани сна и яви, вводятся без какого-либо особого предупреждения или смены регистра: они включены в ткань повествования на равных правах с реалистическими деталями.

Смешение реального и фантастического в романе создает эффект художественного остранения, когда привычная повседневность видится через призму бредового и странного. Эта предельная обстоятельность и медлительность повествования соответствует формалистскому приему, описанному В. Шкловским: «Приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» (1983, с. 15). Действительно, в тексте прямо указано ощущение героем «некой отстраненности своего сознания», то есть мир воспринимается как бы со стороны, в искаженном виде. Благодаря этому приему читатель переживает состояние, близкое к сознанию героев: неясно, что является реальностью, а что болезненным бредом. Такой подход роднит эстетику романа с магическим реализмом, о чем упоминали и критики, где фантастическое органично вплетено в обыденное. В контексте нарратологии это можно рассматривать как сочетание разных модусов повествования – миметического (правдоподобно-реалистичного) и диететического с элементами мифа или сна, которые чередуются и накладываются друг на друга. Согласно концепции М. Бахтина, размывание границ между мирами живых и мертвых, реального и фантастического может быть интерпретировано как проявление карнавализации, при которой «жизнь вверх дном» становится основой художественного строя. Как указывает С. П. Гурин, согласно теории М. Бахтина, карнавал представляет собой инверсию бинарных оппозиций: «королем объявляется шут, епископом – сквернослов и богохульник, верх становится низом, голова – задом и половыми органами» (2017, с. 365). В этом смысле роман Сальникова демонстрирует схожие механизмы карнавального переосмысления действительности: в нем обыденное приобретает черты абсурда, а ужасное оказывается соседствующим с комическим. Как отмечает книжный обозреватель Максим Мамлыга (2021), Екатеринбург в «Петровых в grippe и вокруг него» предстает как своего рода бесконечный «дьявольский карнавал», где жизнь и смерть находятся в пугающе тесной близости, а реальность искажается под влиянием inferнальных сил – подобно тому, как в булгаковской Москве действовал Воланд и его свита. Карнавальное совмещение высокого и низкого, повседневного и фантастического особенно ярко выражено в сцене поездки на катафалке с трупом – эпизоде, подрывающем привычные нормативные границы. В результате подобная нарративная стратегия позволяет Сальникову не только точно воспроизвести атмосферу постсоветского быта, но и насытить ее мифологическим и метафизическим содержанием.

Еще одним важным структурным новшеством романа выступает множественность нарративных перспектив. Хотя повествование ведется от третьего лица, оно гибко перемещается между внутренними мирами разных персонажей. Сальников широко использует несобственно-прямую речь – особую форму повествовательного дискурса, при которой голос автора смешивается с мыслями и речью героя. Это позволяет без прямой смены рассказчика передавать читателю переживания то одного, то другого участника событий. Например, когда в фокусе оказывается Петров-старший, речь наполняется лексикой и интонациями, отражающими его сознание; затем центр внимания может сместиться к Нурлынисе Петровой (жене героя), и тогда повествование начинает отражать ее восприятие происходящего. Подобная переменная фокализация (термин Ж. Женетта)

делает повествование полифоничным в бахтинском смысле. В соответствии с концепцией М. Бахтина, любое художественное произведение представляет собой многоголосое пространство, где каждый голос выражает самостоятельную идеологическую позицию и особое мировоззрение, тем самым формируя полифоническую структуру текста и расширяя его смысловые горизонты. Он утверждает: «Слово ... межиндивидуально ... отношение к смыслу всегда диалогично» (Бахтин, 1986, с. 317). Хотя роман не разделен на главы, обозначенные именами героев, как это бывает в классических примерах полифонического романа, тем не менее углы зрения смещаются, предлагая читателю многомерное видение событий. Мы видим мир семьи Петровых и глазами самого Петрова, и глазами его жены, и, косвенно, через восприятие их сына или окружающих (например, друга Петрова-старшего, начинающего писателя Сергея). Каждая такая нарративная перспектива привносит новые оттенки в изображение происходящего.

Нарратологические исследования (в частности, работа Ш. Риммон-Кенан) подчеркивают, что смена фокализации и столкновение нескольких точек зрения усложняют изображение персонажей. Исследовательница прямо отмечает: «Некоторые из этих позиций могут частично или полностью совпадать, другие – находиться в явном противоречии; их взаимодействие порождает неединую, полифоническую интерпретацию текста» (Rimmon-Kenan, 2002, р. 84). Тем самым читателю предлагается полифоническое восприятие героев, что снижает вероятность их односторонней интерпретации. В «Петровых в гриппе и вокруг него» этот прием служит именно этой цели: за счет чередования перспектив создается впечатление, что у каждого ключевого героя есть свой голос и своя правда. Множественные нарративные ракурсы органично сочетаются с фрагментарной структурой: роман как бы собирается из осколков индивидуальных сознаний, которые вместе формируют сложную картину общей истории.

Указанные элементы нелинейного повествования – фрагментарность, хронотопическая разомкнутость, смешение реальности и фантазии, множественность голосов – оказывают непосредственное влияние на изображение внутреннего мира персонажей и конструирование их сложной идентичности. Прежде всего, отказ от линейности позволяет глубже погрузиться в сознание героев. Воспоминания, сны и галлюцинации, внедренные в текст, выполняют психологическую функцию: они раскрывают скрытые переживания и травмы, которые невозможно передать через внешнее действие. Так, ретроспективная сцена с ледяной Снегурочкой из детства Петрова не только нарушает хронологию, но и обнажает важный пласт памяти героя – возможно, его раннее столкновение с ощущением смерти или утраты (через мотив ледяной девушки). Это воспоминание всплывает не случайно: оно окрашено тревожным предчувствием и напрямую резонирует с текущим состоянием заболевшего героя, находящегося на грани бреда. Таким образом, прошлое проникает в настоящее не только как нарративный прием, но и как отражение того, что сознание Петрова раздваивается между сегодняшним днем и призраками прошлого. Как отмечал Ю. М. Лотман, «один и тот же мир текста оказывается различным образом расчленен применительно к разным героям. Возникает как бы полифония пространства, игра разными видами их членения» (1970, с. 279), что справедливо и для внутреннего мира героев Сальникова, где пересекаются различные пласты восприятия и памяти. Подобное расщепление временной перспективы передает кризис его внутренней целостности. Герой словно живет одновременно в нескольких временных измерениях – физически в 2007 году, а ментально отчасти в детстве и в царстве мифологических аллюзий. Это находит отражение и в его идентичности: личность Петрова конструируется как множественная, нефиксированная. Он и обыкновенный автослесарь, и автор любительских комиксов, и в то же время фигура, вплетенная в мифологический сценарий (недаром сосед-трикстер носит инициалы А. И. Д., отсылающие к Аиду, что намекает на своего рода путешествие Петрова в царство мертвых). Петров в бреду перестает быть «просто Петровым» – в его образе проступают архетипические черты странника между мирами, искаженное самовосприятие человека, охваченного лихорадкой. Нелинейное изложение дает возможность отразить это многослойное «я» героя: через разрозненные сцены мы собираем его психологический портрет словно пазл, видя противоречивые грани.

Тем самым проявляется то, что современное литературоведение называет критикой стабильной идентичности: структура текста ставит под вопрос идею о цельном «я» персонажа, показывая вместо этого фрагментированное сознание, пребывающее в постоянном движении и переосмыслении. Так, Стюарт Холл подчеркивает, что «единство и внутренняя однородность, которые термин *identity* принимает за данность, – не природный факт, а сконструированная форма закрытости» (Hall, 2000, р. 18). Фредерик Джеймсон, в свою очередь, подчеркивал, что «в постмодернистской ситуации состояние отчужденности субъекта уступило место его фрагментации» (Jameson, 1998, р. 160). Эти положения подтверждают, что фрагментарная, нелинейная структура романа Сальникова адекватно отражает кризис цельной идентичности его персонажей.

Кроме того, смешение реального и фантастического планов позволяет заглянуть в глубины психики героев и изобразить их внутренние конфликты в наглядной, метафорической форме. Как сформулировал Цветан Тодоров, «фантастическое – это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явления, кажущееся сверхъестественным» (1999, с. 25). Галлюцинаторные эпизоды в романе зачастую соответствуют эмоциональному состоянию персонажей, становясь своеобразной внешней проекцией их подсознания. «Болезнь – это воля, говорящая посредством тела, язык драмы мышления, форма самовыражения» (Сонтаг, 2016, с. 45). Поэтому, когда больной гриппом Петров видит вокруг себя абсурд и ужас, которые, возможно, существуют лишь в его воображении, это говорит о кризисе его сознания, о разлаженности восприятия мира. Утрата ощущения реальности героем – не просто следствие высокой температуры, но и симптом более глубокого экзистенциального потрясения. Нарратив как бы помещает читателя внутрь этого помраченного сознания: описывая окружающее с гротескными искажениями, он показывает, как герой

теряет опору в привычном порядке вещей. Например, сцена, где персонажи не уверены, живы они или уже мертвы, реально ли происходящее или это морок, отчетливо передает состояние онтологической неустойчивости. Тем самым внутренняя драма – разлад разума, боязнь безумия – раскрывается не через декларации, а через способ повествования. Можно сказать, что нелинейная повествовательная форма становится способом психологизма: фрагментированность и фантастичность нарратива – это и есть образ распадающегося сознания героев. Здесь уместно вспомнить идеи М. Бахтина о «разноголосице» и диалогичности. Как писал исследователь, характеризуя романы Достоевского, «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского» (Бахтин, 1972, с. 7). Сегодня этот диагностический признак полифонии применим и к постсоветской прозе, где различные модусы реальности (здравый смысл vs бред, дневное сознание vs ночной кошмар) вступают в диалог и обнажают внутреннюю противоречивость личности. В результате сложная идентичность персонажей формируется именно на пересечении этих пересекающихся модусов. Петрова, например, предстает и как тихий библиотекарь, и как женщина, внутренняя жизнь которой полна темных фантазий (в контексте мифологического слоя ее можно уподобить Персефоне, пребывающей частично в мире живых, частично в царстве мертвых). Такой двойной облик героини становится понятен лишь благодаря нелинейному повествованию: ее сны и возможные мрачные видения (например, сцены насилия, возникающие то ли в действительности, то ли в воображении) раскрывают ту грань личности, что скрыта за фасадом благообразной интеллигентки. Идентичность героев в романе, таким образом, не статична: она диалогична и динамична, складывается из взаимодействия реальных биографических фактов и фантазийных «ролей», которые они невольно на себя принимают в хоре своего разыгравшегося сознания.

Нелинейная нарративная стратегия в значительной мере обуславливает раскрытие ключевых тематических пластов романа. Прежде всего, благодаря ей на передний план выходит тема кризиса сознания и утраты связи с реальностью. Как было отмечено, повествование передает состояние героя, балансирующего между явью и галлюцинацией, что отражает кризис личностного самоощущения. Как отмечает О. Демидов (2020) в своей рецензии на сайте премии «Национальный бестселлер», происходящее в тексте напоминает «наркотический трип», что подчеркивает эффект дезориентации и неустойчивость границы между реальным и иллюзорным. Петров переживает своего рода пограничное состояние: привычная логика рушится, он вынужден искать новые ориентиры для понимания происходящего. Именно через разрыв линейности повествования Сальников художественно воспроизводит этот кризис сознания героя. Читатель вместе с персонажем дезориентирован и задается вопросом: что реально? Кто я в этом новом хаотичном мире? Таким образом, нарративная форма служит для осмысления темы распада субъективной реальности. Это проблематика во многом экзистенциальная: роман ставит под сомнение возможность однозначного, объективного восприятия мира, показывая сознание человека уязвимым, подверженным бреду, страхам, всплескам подсознательного. В этом смысле «Петровы в гриппе и вокруг него» переключаются с литературной традицией, исследующей безумие и норму, реальность и иллюзию. Нелинейность позволяет провести читателя через лабиринт сознания героя, и тема кризиса внутреннего «я» обретает зримую форму этого лабиринта – запутанного, непредсказуемого, тревожного.

Не менее значимо, что через нелинейное повествование автор раскрывает тему постсоветской реальности и связанный с ней опыт утраты устойчивых ориентиров. Действие романа разворачивается в конце 2000-х, в типичном российском городе, и повседневная жизнь семьи Петровых несет на себе отпечаток постсоветской эпохи – времени социальной неустойчивости, конфликтов старого и нового мировоззрений, утраты прежних идеалов. Фрагментарность повествовательной структуры оказывается адекватной художественной формой для передачи фрагментарности самой реальности этого периода. Как заметил К. Мильчин (2018), «в повседневности есть волшебство. В троллейбусе есть загадка. В улице, по которой герой ходит каждый день, есть тайна».

После распада советской системы сама жизнь многих людей представлялась лишенной единого «сюжета», распавшейся на хаотичный поток событий. Роман, будучи «бессюжетным» на первый взгляд (как отмечали некоторые критики), тем самым отражает отсутствие общего нарратива в постсоветском обществе, где каждый вынужден выстраивать свою собственную историю из разрозненных эпизодов. Фамилия главных героев – Петровы – подчеркнуто обобщенная, «никакая», что намекает на их типичность: они представляют не отдельных экстраординарных личностей, а собирательный образ «маленького человека» новой России. Постсоветская действительность в романе предстает одновременно буднично-банальной (работа автослесаря, поход ребенка на утренник, очереди, питейные посиделки на кухне) и абсурдно-гротескной (насилие и смерть, вторгающиеся в обыденность, ощущение всеобщей болезненной апатии). Нелинейный, карнавално-преувеличенный стиль повествования способствует разоблачению скрытого хаоса, царящего за фасадом этой внешне обычной жизни. Карнавализация по Бахтину выполняет здесь и социально-критическую функцию: переворачивая привычный порядок, роман оголяет проблемы эпохи – духовный вакуум, распространенное чувство нелепости и бессмысленности происходящего, утрату прежних идеологических «скреп». Как писал М. Бахтин, «карнавал не созерцает – в нем живут... Пафосом смен и обновлений проникнуты все формы и символы карнавального языка» (Бахтин, 1990, с. 14–16), и это в точности соответствует чувству преображения и очищения, которое испытывает читатель в мире Сальникова. Когда герои в гриппозном бреду утрачивают связь с реальностью, это в определенной мере метафорично отражает более широкую утрату – распад общего социального «реализма», характерного для постсоветского мировосприятия. Таким образом, нелинейность повествования превращается в средство социального комментария: разрывая причинно-следственную логику, автор показывает мир, где привычные причинно-следственные связи общества тоже разорваны.

Инновационная нарративная структура также служит ключом к художественному осмыслению времени и памяти – одной из центральных философских тем романа. Нелинейное время повествования явно противопоставлено календарно-часовому времени реальности. Сальников предлагает читателю особый хронотоп, где прошлое, настоящее и мифологическое время сосуществуют и взаимодействуют. Это отсылает к бахтинскому пониманию хронотопа как единства временных и пространственных параметров художественного мира.

В «Петровых в гриппе и вокруг него» хронотоп гибок и подвижен, время течет неравномерно, растягиваясь в подробных описаниях или вовсе замирая в моментах воспоминаний, а пространство города превращается то в реальный Екатеринбург (именно такой город угадывается за неназванными локациями), то в условное загробное царство. Память в таком хронотопе играет роль связующей нити между разными временными слоями. Воспоминания героев возникают «здесь и теперь», преодолевая дистанцию лет, например, новогодняя ночь в детстве Петрова вспыхивает в его сознании среди событий совсем другого, взрослого Нового года. Эта художественная игра со временем заставляет задуматься о природе памяти: для персонажей прошедшее не исчезло бесследно, оно продолжает жить в их сознании и влиять на восприятие настоящего.

Нелинейное повествование тем самым подчеркивает идею, что время человеческой жизни – не прямая линия, а сложное переплетение прошлого и настоящего, где воспоминание может быть столь же реальным, как текущий момент. Данный прием созвучен модернистским экспериментам с временной структурой (вспомним «поток сознания» Дж. Джойса или прустовские воспоминания о прошлом, возникающие от вкуса мадленки). Однако в романе Сальникова осмысление времени приобретает именно постсовременное измерение: время не просто субъективно, оно еще и эстетически переосмыслено через призму массовой культуры и мифа.

Герой-комиксист Петров воспринимает время через картинки и эпизоды, как последовательность ярких кадров, а не непрерывный фильм – и нарратив воспроизводит эту клиповую природу памяти. Эта «клиповость» не только обусловлена опытом современной визуальной культуры, но и перекликается с неомодернистской поэтикой, в рамках которой фотографическая модель восприятия постепенно сменяет кинематографическую. По наблюдению А. А. Житенева (2012, с. 189) (опирающегося на идеи З. Кракауэра (1974, с. 43-45)), фотография ценна тем, что хранит в себе «неинсценированную реальность», где значимы элементы случайного и неожиданного, благодаря чему она передает ощущение незавершенности бытия и смысловой неясности. Такое восприятие времени в романе превращает его в интервал между кадрами – пространство памяти и воображения, в котором прошлое и настоящее сосуществуют в едином, пульсирующем, но неустойчивом целом.

В то же время мифологическая параллель (Аид и Персефона) намекает на цикличность времени: подобно тому, как Персефона ежегодно возвращается из подземного мира, герои романа переживают своего рода цикл болезни и выздоровления, погружения в бред и возвращения к реальности. Как подчеркивает М. В. Шин, «авторский миф заключается в освещении привычных человеку предметов и явлений действительности, скрывающихся под оболочкой нереальных явлений и существ» (2024, с. 366), что позволяет рассматривать мифологический пласт романа как способ художественного осмысления времени и памяти через призму повседневного опыта. Художественное осмысление времени достигается через нелинейную форму: ломая прямой ход повествования, автор заставляет читателя ощутить время более остро – как загадку, требующую разгадки, как многомерную субстанцию, включающую личную историю, культурные мифы и текущее мгновение.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Нелинейность повествования в романе Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» не является самоцелью или простым экспериментом формы. Напротив, она выступает как глубоко содержательный и новаторский прием, пронизывающий все уровни произведения. Фрагментарная структура, разрывы хронологии, смешение реального и ирреального, множественные ракурсы повествования – все эти черты совместно создают уникальную повествовательную систему. Эта система позволяет автору развернуть богатый внутренний мир персонажей и изобразить современную реальность в ее противоречивой полноте.

Нелинейный нарратив становится отражением расслоенного сознания героев, инструментом раскрытия их сложной идентичности, а также средством актуализации ключевых проблем – кризиса сознания, потери чувства реальности, осмысления времени и памяти в постсоветскую эпоху. Комплексный анализ романа на основе нарратологических теорий Ж. Женетта (анахронии, фокализация), Ш. Риммон-Кенан (фрагментарность дискурса, характеристика) и концепций М. Бахтина (полифония, хронотоп, карнавализация) демонстрирует, что именно посредством нелинейного повествования достигаются многослойность и новизна художественного высказывания А. Сальникова.

Следовательно, нелинейность повествования в данном романе выступает в роли новаторской стратегии, позволяющей связать форму и содержание воедино: разомкнутая структура повествования превращается в адекватное выражение разомкнутого мира и сознания, о которых ведет речь роман. Это обеспечивает произведению не только оригинальную эстетическую форму, но и глубокий философско-психологический резонанс, делая роман значимым явлением современной русской литературы.

В качестве перспектив дальнейшего исследования представляется целесообразным рассмотреть особенности нелинейного повествования в других произведениях Сальникова, а также выявить закономерности функционирования данной стратегии в более широком контексте постсовременной русской прозы.

Материалы исследования | Research materials

1. Демидов О. Петровы в трипе // Премия «Национальный бестселлер». 2020. <https://web.archive.org/web/20200730194500/http://www.natsbest.ru/award/2018/review/petrovy-v-tripe/>
2. Мамлыга М. Как понимать «Петровых в grippe» Кирилла Серебренникова? 5 способов смотреть фильм // Pravila Magazine. 2021. <https://www.pravilamag.ru/entertainment/292223-kak-ponimat-petrovyh-v-grippe-kirilla-serebrennikova-5-sposobov-smotret-film/>
3. Мильчин К. Петровы в grippe и вокруг него: самый неожиданный российский роман года. 2018. <https://tass.ru/opinions/4902538>
4. Сальников А. Петровы в grippe и вокруг него. М.: Редакция Елены Шубиной, 2022.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд-е 3-е / под ред. С. Лейбович. М.: Художественная литература, 1972.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
4. Гурин С. П. Концепция карнавала М. Бахтина и теория архаического праздника В. Топорова // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2017. № 11.
5. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
6. Житенев А. А. Поэзия неомодернизма. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 2012.
7. Кракауэр Э. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. М.: Искусство, 1974.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
9. Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю. Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы) // Научный диалог. 2021. № 6. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-225-239>
10. Плахтиенко О. П., Коровкина Ю. А. Феномен нелинейного текста в художественной литературе: история развития и современные формы. Роман М. Павича «Семь смертных грехов» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 4 (27).
11. Сонтаг С. Болезнь как метафора / пер. М. А. Дадян, А. Е. Соколинская. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
12. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
13. Шин М. В. Творчество А. Б. Сальникова через призму современной литературной критики // Ташкентский литературоведческий форум. 2024. Т. 1.
14. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983.
15. Hall S. Who Needs 'Identity'? // Identity: A Reader / eds. P. du Gay, J. Evans, P. Redman. L.: Sage Publications Inc., 2000.
16. Jameson F. The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern, 1983-1998. L. – N. Y.: Verso, 1998.
17. Rimmon-Kenan Sh. Narrative Fiction: Contemporary Poetics. 2nd ed. L. – N. Y.: Routledge, 2002.

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного Китайским государственным стипендиальным фондом (CSC), номер проекта 202106810001.

EN This publication was prepared within the framework of a research project supported by the China Scholarship Council (CSC), project No. 202106810001.

Информация об авторах | Author information

RU Лу Чэнь¹
¹ Новосибирский государственный университет

EN Chen Lu¹
¹ Novosibirsk State University

¹ 1767574158@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.11.2025; опубликовано online (published online): 28.11.2025.

Ключевые слова (keywords): нелинейное повествование; анахроничность повествования; фрагментарная композиция романа «Петровы в grippe и вокруг него»; переменная фокализация; Алексей Сальников; non-linear narrative; narrative anachronicity; fragmented composition of the novel "The Petrovs in and around the Flu"; variable focalization; Alexey Salnikov.